

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Н. И. Зиберъ и А. Е. Назимовъ.

(Изъ воспоминаній стараго профессора).

(Элеія въ прозѣ.)

А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила... И съ собой
Въ могилу онъ увесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманчивыхъ надеждъ и горькихъ со-
жалѣній.

Лермонтовъ („Памяти Одоевскаго“).

Когда я вспоминаю свою давнюю аудиторію и своихъ слушателей, изъ среды послѣднихъ выдвигаются двѣ яркія фигуры, столь мнѣ памятныя и симпатичныя: Н. И. Зиберъ (1844—1888) и А. Е. Назимовъ (1852—1902), студенты разныхъ выпусковъ,— первый оканчивалъ университетъ въ томъ году, въ которомъ второй начиналъ. Это были два типа крайне противоположные: различнаго темперамента и міровоззрѣнія, различнаго воспитанія, неодинаковыхъ нравовъ и привычекъ, даже различной національности. Н. И. Зиберъ не былъ славяниномъ: онъ былъ швейцарцемъ по отцу и самъ числился всегда швейцарскимъ подданнымъ, а мать его была полуфранцуженка. Родился онъ въ Судакъ, а молодость его проходила въ живописной Ялтѣ, гдѣ море Черное шумитъ не умолкая. Это была натура нервозная, глубоко-впечатлительная, съ которой не всегда могъ справиться его уравновѣшенный, довольно положительный умъ. Онъ какъ-то трепетно и

лихорадочно относился къ явленіямъ жизни и къ вопросамъ науки, представлявшейся ему царственною богиней, у ногъ которой онъ готовъ былъ повергаться ницъ съ постомъ и молитвой. Чистокровный идеалистъ, онъ неспособенъ былъ ни къ какой сдѣлкѣ и компромиссу; брезгливо и нетерпимо онъ относился ко всему, что не подходило подъ его чисто пуританскія требованія. Своею особой онъ напоминалъ растеніе «не тронь меня», которое сжималось и закрывалось отъ всякаго къ нему прикосновенія.

Совершенно другого рода личность Назимова. Истинный россиянинъ, псковскій столбовой дворянинъ, онъ надѣленъ былъ всеми плюсами и минусами своего благороднаго сословія. Эпикуреецъ и немножко Обломовъ, онъ любилъ науку, но подчасъ измѣнялъ ей ради другихъ благъ міра, къ которымъ былъ равнодушенъ. Колкій и остроумный, онъ осыпалъ своими сарказмами не только своихъ товарищей и знакомыхъ, но и собственную свою персону за свою склонность къ «обломовщинѣ» и «эпикуреизму». Но какъ ни различны были между собою изображенные нами типы, имъ свойственна была одна общая черта: сильный и пытливый умъ, жажда просвѣщенія и познаній, способность къ научнымъ занятіямъ. А потомъ ихъ сблизила преждевременная утрата обоихъ для русской науки, для которой они не успѣли совершить всего того, къ чему были способны. Когда они сидѣли еще на студенческой скамьѣ, я предугадывалъ, что изъ нихъ выйдутъ выдающіеся русскіе ученые. Предвидѣніе мое не обмануло. Зиберъ, живя въ Бернѣ, работалъ для русской науки, которую обогатилъ рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій; Назимовъ былъ блестящимъ профессоромъ Демидовскаго лицея и новороссійскаго университета, и какъ ни мало написалъ онъ, это небольшое запечатлѣно оригинальною мыслью и мастерствомъ истиннаго таланта.

Мои воспоминанія о Зиберѣ особенно оживились во время моего пребыванія въ Ялтѣ, гдѣ я имѣлъ случай познакомиться съ сестрой покойнаго Софіей Ивановной, проживающей въ материнскомъ домѣ, на Церковной улицѣ. Когда я бесѣдовалъ съ этой достойной, просвѣщенной особой, въ моей памяти воскресалъ

образъ студента Зибера. Мнѣ ясно видѣлись его симпатичное лицо, его русая шевелюра и рыжеватая борода, его то вспыхивающій, то потухающій румянецъ, сообразно тому внутреннему интересу, который возбуждалъ въ немъ данный предметъ. Аккуратнѣйшій посѣтитель моихъ лекцій, особенно по иностранному государственному праву, которое въ то время я такъ подробно излагалъ, Зиберъ всегда сидѣлъ на первой скамейкѣ противъ кафедры, жадно вслушиваясь въ слова профессора. Долгое время я съ нимъ не былъ знакомъ, но когда, входя въ аудиторію, примѣчалъ его милый образъ, мнѣ дѣлалось легко и пріятно: я видѣлъ нѣчто свое родное, близкое. Познакомился я съ нимъ уже впоследствии, когда онъ со своимъ товарищемъ Скордели приходилъ ко мнѣ потолковать о литографированіи моихъ лекцій по иностранному государственному праву. Поговоривъ съ нимъ, я убѣдился, что не даромъ считалъ его такимъ мыслящимъ и интеллигентнымъ студентомъ. Молодой ревнитель своей науки, я очень пожелалъ обратить Зибера въ государствовѣда, но его любимымъ предметомъ уже тогда была политическая экономія, и мои попытки сбить его съ этого пути не могли увѣчаться успѣховъ. А политической экономіи у насъ было у кого поучиться: ее преподавали такіе экономисты, какъ Н. Х. Бунге и его талантливый ученикъ Г. М. Цѣхаповецкій. Воспитавшіеся въ классической школѣ Адама Смита, они чужды были научнаго догматизма и новыя вѣянія въ наукѣ не считали еретичествомъ, достойнымъ кары. Это дѣлало ихъ особенно симпатичными для студентовъ, изъ которыхъ весьма многіе отдались изученію экономическихъ дисциплинъ. Въ ихъ школѣ началъ свое экономическое воспитаніе и Н. И. Зиберъ, къ которому съ такимъ вниманіемъ и заботливостью отнесся профессоръ Бунге, намѣтившій его въ свои стипендіаты. Въ 1867 г. Зиберъ блистательно окончилъ юридическій факультетъ, но вакантной стипендіи не оказалось. Столь ревностно заботившійся о своихъ ученикахъ, Н. Х. доставилъ Зиберу мѣсто мирового посредника въ Волынской губерніи. Швейцарскому подданному пришлось служить великому русскому дѣлу

освобожденія крестьянъ. Но служить этому дѣлу пришлось ему недолго: его тянуло въ университетъ къ любимой наукѣ. Открылась вакантная стипендія; по предложенію Бунге она была предоставлена Зиберу. Хорошо знакомый со студенческой скамьи съ избранною наукой, Зиберъ недолго готовился къ магистерскому экзамену, который онъ выдержалъ, если только память мнѣ не измѣняетъ, уже въ 1871 г. Живо я помню этотъ экзаменъ. Экзаменовалъ его профессоръ Бунге, такъ какъ Цѣхановецкій перешелъ уже въ Харьковъ. Вспоминаю при этомъ тѣ деликатные, благородные приемы экзамена, которыми всегда такъ отличался профессоръ Бунге. Припоминаю блестящіе отвѣты Зибера. Экзаменаторъ предложилъ ему изложить теорію Маркса, которая была тогда большою новинкой. Я помню, какъ разгорѣлись щеки Зибера, когда онъ сталъ излагать теорію, которой онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ. За экзаменомъ послѣдовала магистерская диссертациія «Теорія цѣнности и капитала Давида Рикардо», котораго онъ впослѣдствіи сопоставлялъ съ Марксомъ; затѣмъ — заграничная командировка, во время которой въ Гейдельбергѣ Зиберъ нашелъ себѣ супругу. Этотъ выборъ былъ обусловленъ, можетъ-быть, тою горячею любовью къ наукѣ и жаждой изучить ее, которую Н. И. подмѣтилъ въ своей избранницѣ. По возвращеніи въ Россію Зиберъ былъ выбранъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, которыя онъ и преподавалъ до 1875 г., когда окончательно разстался съ университетомъ св. Владиміра и поселился въ Бернѣ. Это было вполне естественно и вполне соответствовало особенностямъ природы Зибера. Зиберъ не могъ долго оставаться въ той университетской средѣ, которая сложилась въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда стали господствовать совмѣстительство и нажива, когда достатокъ предпочитали таланту, когда научные интересы поблѣднѣли и самымъ цѣннымъ качествомъ челоуѣка признавались хитрость и практическая изворотливость. Завелась даже газета въ Кіевѣ, ратовавшая за эту практичность и дѣловитость. Зиберъ съ нѣкоторыми своими единомышленниками замы-

слилъ создать противовѣсъ этой газетѣ, которымъ и явился *Кіевскій Телеграфъ*, пріобрѣтенный супругой профессора Гогоцкаго у фонъ-Юнка. Я помню съ какимъ страстнымъ увлеченіемъ относился къ этому дѣлу Зиберъ, но дѣло не выгорѣло: не боець съ ударами жизни, Зиберъ не выдержалъ и бросилъ свой университетъ; швейцарскій подданный возвратился въ свою Швейцарію и поселился въ Бернѣ. Но русскій душою, онъ работалъ здѣсь для русской науки и работалъ съ тою страстностью, которая была свойственна его природѣ, не жалѣя своихъ слабыхъ силъ, мало-по-малу падамывая ихъ. Достаточно назвать эти работы, чтобы судить, какъ великъ былъ трудъ, затраченный на нихъ. Это были: «Очерки первобытной экономической культуры», имѣвшие три изданія; матеріалы для этого сочиненія онъ, между прочимъ, собиралъ въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ; «Давидъ Рикардо и Карлъ Маркъсъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ» и два тома мелкихъ статей: томъ I. «Вопросы землевладѣнія и промышленности», томъ II. «Право и политическая экономія». Работы эти подорвали здоровье: появились симптомы медленнаго паралича центральнаго мозга. Симптомы эти усилились въ 1884 г. Н. И. переселился въ родную Ялту, на берега роднаго Чернаго моря, но ни родина, ни заботы сестры и матери не спасли угасающаго рыцаря науки: въ апрѣлѣ 1888 г. онъ уснокоился вѣчнымъ сномъ. Надъ его могилой на ялтинскомъ кладбищѣ супруга его поставила памятникъ, изображающій усѣченную мраморную колонну—символь усѣченной жизни покойника. Да, нерѣдко родная среда усѣкаетъ жизнь мыслящаго интеллигентнаго русскаго человѣка, которому иногда приходится отправиться за рубежъ, чтобы встрѣтить признаніе и надлежащую оцѣнку.

Ближе ко мнѣ стоялъ Назимовъ, котораго считаю себя въ правѣ назвать своимъ ученикомъ. Уже въ студенческіе годы я манилъ его государственнымъ правомъ, а оставленный стипендіатомъ при моей кафедрѣ, онъ проходилъ стипендіатскій стажъ подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ: я экзаменовалъ

его на степень магистра, сдѣлавъ подробную оцѣнку его диссертациі въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Онъ самъ признавалъ себя моимъ ученикомъ, всегда относясь ко мнѣ какъ къ уважаемому наставнику. Я мечталъ о томъ, чтобы передать Назимову свою кафедру. Преемственность системы и доктрины казалась мнѣ полезной. Но мечтамъ моимъ не суждено было сбыться: на мою кафедру назначенъ былъ Егіазаровъ, а Назимовъ былъ назначенъ въ Одессу на кафедру полицейскаго права, которымъ онъ никогда не занимался. Уставъ 1884 г. давалъ министру это широкое право разсаживанія русскихъ ученыхъ по кафедрамъ, не считаясь съ ихъ спеціальностью. Въ ученой же карьерѣ Назимова этотъ переходъ къ новому невѣдомому предмету былъ обстоятельствомъ неблагоприятнымъ, хотя, прекрасный лекторъ, онъ съ успѣхомъ преподавалъ и полицейское право. Въ Демидовскомъ же лицѣ онъ преподавалъ свой родной предметъ—государственное право. Тамъ же онъ написалъ и свою магистерскую диссертацию «Исторія прусской реакціи». Сочиненіе это—выдающееся. На диспутѣ я упрекалъ автора въ позитивизмъ, но кто тогда не болѣлъ недугомъ позитивизма? Статика и динамика Огюста Конта находили себѣ мѣсто даже въ курсахъ римскаго и уголовного права. Сочиненіе свое Назимовъ защитилъ блистательно. Особенно эффектна была его рѣчь передъ диспутомъ, свидѣтельствовавшая о рѣдкомъ дарѣ формуловать изящнымъ и простымъ словомъ отвлеченныя мысли. Я хотѣлъ похвалить этимъ трудомъ русскаго ученаго передъ такими авторитетами, какъ Гнейсъ и Штейнъ, и послалъ имъ работу Назимова при письмѣ. Я получилъ скоро отъ нихъ отвѣты, преисполненные похвалъ работѣ Назимова, съ которою, какъ писали они, познакомили ихъ переводчикъ. Эти письма-автографы знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ я передалъ покойному Бычкову для включенія въ богатую коллекцію автографовъ Императорской Публичной библіотеки. Получивъ кафедру полицейскаго права въ новороссійскомъ университетѣ, Назимовъ обработалъ свой собственный курсъ, въ которомъ юридическій элементъ перевѣши-

валь экономической. Онъ думалъ и о докторской диссертации, для которой собиралъ матеріалы въ столичныхъ архивахъ, и между прочимъ въ архивѣ бывшаго третьяго отдѣленія, такъ какъ темой работы была избрана «Исторія министерства полиціи». Не сомнѣваюсь, что изъ подъ пера даровитаго Назимова вышла бы блестящая монографія; и сухая, повидимому, тема получила бы животрепещущій интересъ. Подъ конецъ своей недолгой жизни Назимовъ, несмотря на званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, былъ назначенъ деканомъ юридическаго факультета новороссійскаго университета. Назначеніе это свидѣтельствуетъ о большомъ тактѣ начальства: Назимовъ былъ благовоспитанный джентльмэнъ, каковымъ и долженъ быть представитель факультета. Въ послѣдній разъ я видѣлъ своего дорогого ученика въ августѣ прошлаго года, когда онъ почти со слезами на глазахъ кинулся въ мои объятія. Никогда не забуду этой сцены, такъ умилившей меня. Никогда не забуду и нашего горячаго разговора. Какъ-будто возвратились старые семидесятые годы и онъ былъ моимъ стипендіатомъ, а я его руководителемъ. Думалъ ли я тогда, что это моя послѣдняя встрѣча съ моимъ дорогимъ ученикомъ и что его черезъ годъ не станетъ. Почивай же съ миромъ, а я буду доживать свой долгій вѣкъ, чтобы добрымъ словомъ поминать даровитыхъ русскихъ людей.

